

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА СВАДЕБНОЙ ОБРЯДОВОЙ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ МОГИЛЕВСКИХ ГОВОРОВ)

Традиционный свадебный обряд восточных славян – одно из наиболее замечательных явлений восточнославянской народной культуры. Он представляет собой сложный комплекс, включающий в свой состав весьма разнообразные по своему происхождению, характеру и функциям элементы, названия которых и составляют номенклатуру терминов свадебной обрядности. По мнению исследователей, они принадлежат одновременно и языку, и культуре, поэтому каждый обрядовый термин является знаком, «который несет существенную информацию о внеязыковой действительности обряда» [1, с.65] и способствует закреплению в сознании носителей традиционной народной духовной культуры представления о ритуальных функциях лиц, предметов и действий свадебного обряда.

Свадебный ритуал восточных славян, будучи устойчивым в своих основных этнокультурных параметрах, варьируется в разных социальных средах и локальных группах [2, с. 400], что находит отражение в свадебной терминологии. Поэтому представляется актуальным установить локальные варианты терминов свадебного обряда в могилевских говорах.

Свадебный обряд могилевского региона в целом сохранил черты восточнославянской свадебной традиции, где вся свадебная обрядность обычно делится на предсвадебный (подготовительный), собственный свадебный и послесвадебный (заключительный этапы). Как отмечают исследователи, варьирование чаще всего наблюдается в ритуальных действиях этих этапов и в составе их функционально маркированных участников (чинов). И национально-культурная специфика свадебной терминологии в могилевских говорах проявляется, на наш взгляд, преимущественно в наименованиях самого свадебного обряда и его

этапов, в наименованиях отдельных обрядовых действий и в наименованиях свадебных чинов, а также реалий свадебного обряда.

Повсеместно восточнославянский свадебный обряд начинался со сватовства (укр. сватання, бел. сватанне), которое было основным обрядовым действием предсвадебного этапа. В говорах МСП для обозначения этого действия используются номинации – заручины и запоины, запой, запои: *Учора у Мишки с Ленкай заручины были, так што скоро свадьбу гулять будим* (Глыбов, Красноп. Мгл.); *Сначала запоины дельють, а патом ужо свадьбу* (Звенчатка, Клим. Мгл.); *Як сваты приходили, дельють запой. Дык мы с маткай пякли пираги усю ночь* (Лобковичи, Крич. Мгл.). Локальный вариант запои зафиксирован только в близлежащих селах Хотимского района: *Кали приходять у сваты, то згоду миш сватоу празнують – робяць запой* (Липовка, Узлоги, Забелышин, Хот. Мгл.).

В могилевских говорах отмечается разнообразие номинаций собственно свадебного обряда (ср. рус. свадьба, укр. весілля, бел. вяселле). Причем встречаются как однословные номинации – веселки, веселуха, гуль, гульба, гульня, гулянка, так и фразеологические обороты – веселое гулянье, весёлый пир, вясельный стол, свадебный стол. В этих названиях отражалось традиционное ритуальное предписание, какой должна быть свадьба: восточнославянской «свадьбе полагалось быть веселой и грустной одновременно, песенной и речистой» [2, с.401]. В могилевских говорах в номинациях свадебного обряда на первый план выступает сема *веселье*: *У нас на пасёлку, кали жэнюцца, дык кажуть, што у их висялуха* (Узлоги, Хот. Мгл.).

В обрядовой терминологии могилевских говоров отражается также представление о свадьбе как игре, в которой четко обозначены и распределены роли, есть свои правила и запреты: *Настя дочку замуш аддае, во гуль будить* (Липовка, Хот. Мгл.); *Сичас на гулянку грошай многа нада. Када жаних багаты, дык и гулянка харошая. Ды ни такая, як у нас, нивяселяя нейкая* (Селец, Мст. Мгл.). Нами зафиксирован и узколокальный вариант номинации свадьбы – *пасаг*, возникший в результате метонимического переноса белорусской лексемы *пасаг*, служащей для обозначения приданого: *Умаей дачки сення пасях, малая яшчэ, 20 гот, но кали хоча замуш, хай выходить* (Милейково, Мст. Мгл.).

Широко известному русскому выражению *играть свадьбу* и белорусскому *гуляць вяселле* соответствует распространенное в говорах выражение *гулять свадьбу*, явившееся результатом контаминации этих двух конструкций: *Свадьбу у нас гуляють два дни* (Медведовка, Красноп. Мгл.); *Дачки маей свадьбу гуляли весила* (Рясно, Дриб. Мгл.).

Не случайным является употребление в устойчивых сочетаниях *вясельный стол*, *свадебный стол* компонента *стол*. Это предмет осо-

бо почитаем у славян. «Символическое осмысление стола в народной традиции во многом определяет его уподобление церковному престолу. Формулы «стол – это престол» и «стол – это престол Божий» известны у всех восточных славян» [1, с. 366]. Возможно, в номинациях *вясельный стол*, *свадебный стол* отражается бытовая (коллективная, семейная и общинная) санкция брака. Кроме того, фраземные номинации свадьбы дифференцируются в зависимости от конкретных бытовых ситуаций, например, свадьба дочери и сына одновременно – круглая свадьба, двойная свадьба, умесная свадьба (Ямное, Бых. Мгл.) или две свадьбы одновременно в одной деревне – круглая свадьба: *Мая сасетка справляла дваіную свадьбу, дык столькі гасцей была, што травы у полі* (Звенчатка, Клим, Мгл.; Скураты, Кругл. Мгл.).

Обрядовые номинации послесвадебного (заключительного) этапа в могилевских говорах дифференцируются в зависимости от времени празднования свадьбы – два-три дня и более, и существуют специальные термины для второго и третьего, а также последнего дня свадьбы при любой ее продолжительности: догулы – второй день свадьбы, званки, крошки – третий день свадьбы, отходины, па крошни – последний день свадьбы: *На нашай свадьбе дагулы толька на други день были, пакуль ни пагуляла уся дзяреуна* (Липовка, Хот. Мгл.); *Наступаюць па крашні, када свадьба приходзіць да заключэння* (Звенчатка, Клим, Мгл.).

Национально-культурная специфика свадебной лексики в могилевских говорах проявляется и в наименованиях действующих лиц. В словарном материале могилевских говоров названия чинов свадебного обряда составляют обширный пласт (1/3 слов всей лексико-тематической группы «Свадьба»). И это не случайно. Именно свадебным чинам предписывалось выполнение тех или иных ритуальных действий. «Состав участников (чинов) свадьбы и их поведение довольно жёстко регламентировались» [2, с. 400].

Как и в восточнославянской традиции, так и в свадебном обряде на территории могилевского региона обязательными участниками свадьбы были крестные отец и мать жениха и невесты, друзья жениха, подружки невесты, брат невесты, а также родственники с обеих сторон. Все они имели свои обязанности. Крестные, например, выполняли роль сватов и свах; часто крестный отец выступал в качестве распорядителя свадебного торжества. Девушки-подружки невесты не только представляли половозрастную группу, которую она покидала. В их обязанности входило также нарядить невесту к венцу.

Полифункциональные чины именовались преимущественно по своей основной обязанности, например дружок-свидетель со стороны жениха. В его обязанности входило также руководить свадебным торже-

ством. Однако специальным термином это не обозначалось: *А на свадьби дружок усим сталом запрауляю* (Ст. Дедин, Клим. Мгл).

Состав свадебных чинов мог расширяться. Тогда отдельные обязанности закреплялись за специальными чинами. Это явление находило свое отражение и в терминологии. В могилевских говорах отмечены специальные наименования чинов: снаряди́ха, снаряде́лка – женщина, одевающая невесту к венцу; тысяцкый – распорядитель свадебного поезда; толмач – распорядитель свадебного торжества; вечерняя сваха – женщина, привозившая постель невесты; кубельник – человек, перевозящий приданое; каравайница – женщина, выпекающая каравай к свадьбе; густая сваха, толстая сваха, свашка – сваха; густый сват – главный сват: *Мая тетка будить толстой свахай у нас на свадьби* (Рясно, Дриб. Мгл).

Таким образом, в анализируемом материале можно выделить специальные термины для обозначения отдельных чинов (есть обрядовое действие – есть чин, его выполняющий, – есть название чина) и термины для обозначения полифункциональных чинов (есть обрядовое действие – нет специального чина, выполняющего действие, вместо термина – лакуна).

Литература

1. Славянская мифология: Энциклопедический словарь/ под ред. Л.М. Анисова. – М.: Эллис Лак. 1995, – 416 с.
2. Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. – М., 1987.